

Хэ И повалили на кровать. Он отчаянно пытался собраться с мыслями, но так и не нашёл, что ответить. Сказать «нет» — значит пойти на попятную, ведь эту ночь Хэ Яньчжэнь буквально вытребовал для себя. Но сказать «да» было бы ещё более безрассудно...

"И зачем только спрашивать? — Хэ И злился на себя и на него, чувствуя, как к лицу приливает жар. — Раньше ты без всякого спроса брал то, что хотел..."

Хэ И густо покраснел и сердито уставился на Хэ Яньчжэня. Тот не стал допытываться. Перехватив поудобнее, он крепко прижал Хэ И к себе, а затем навис сверху, упираясь локтями в матрас по обе стороны от его головы.

— Будем считать, это «да», — с улыбкой шепнул Хэ Яньчжэнь. Он ластился к шее Хэ И, словно огромный ласковый пёс.

Короткие, жесткие волосы покалывали кожу. Хэ И, тихо смеясь, попытался увернуться, но в этот момент Хэ Яньчжэнь мягко прихватил губами его мочку уха. Шуточное сопротивление тут же сошло на нет. словно внезапный летний ливень, горячие, влажные поцелуи осыпали ухо, скользнули по шее и наконец отыскивали уголок губ.

Горячий, сладковатый язык скользнул внутрь, делясь терпким ароматом ликёра. Хэ И на мгновение растерялся, прежде чем сообразил: это же начинка тех конфет с алкоголем. Он сам за весь вечер так и не притронулся к коробке, а Хэ Яньчжэнь, оказывается, уже успел стянуть одну. И теперь, увлекая его за собой, заставлял распробовать этот вкус до капли.

Хэ И судорожно вцепился в его футболку. Воздух вокруг казался раскалённым, а тело сделалось таким податливым, словно кости плавилась от этого жара.

— Потуши свет, — выдохнул Хэ И, на секунду отвернувшись, чтобы перевести дыхание. Он прикрыл глаза и едва слышно добавил: — И больше... ничего не делай, хорошо?

В его сиплом, приглушённом голосе звучала тихая мольба.

— Хорошо, — пообещал Хэ Яньчжэнь. Его ладонь легла на шею Хэ И, и шершавая подушечка пальца с усилием провела по чувствительному кадыку, заставив того вздрогнуть от сладкой судороги.

Щёлкнул выключатель. Комната погрузилась во тьму, и в эту новогоднюю ночь они оба окончательно растворились в тишине и темноте.

Хэ И сам не заметил, как уснул.

Хэ Яньчжэнь действительно умел держать слово: в ту ночь он не зашёл дальше поцелуев. Но Хэ И и представить не мог, насколько неистовым может быть это обещание. Проснувшись утром,

он обнаружил, что на его теле практически не осталось живого места.

Ночью этот безумец губами и зубами буквально пересчитал каждую его косточку.

— В книгах пишут, что у взрослого человека обычно двести шесть костей, — шептал Хэ Яньчжэнь в темноте, одержимо оглаживая тело Хэ И. — Пока мне удалось пометить только двести.

— Откуда... ты это взял? — Хэ И прикусил губу, пытаясь говорить строго, но голос предательски дрожал. — Ты что, считал их?

— Методом исключения, — отозвался Хэ Яньчжэнь. Он скользнул ниже и крепко обхватил его лодыжки, глядя снизу вверх темным, хищным взглядом затаившегося зверя. — Если не считать кости черепа и слуховые косточки, на всех остальных я оставил свои следы. Разве нет?

Хэ И промолчал. Все его тело словно пронзило электрическим током; барьеры разума рухнули, а подавляемые годами гормоны хлынули в кровь неудержимым потоком. Справиться с этим нахлынувшим возбуждением самостоятельно он был не в силах. Но договор есть договор — Хэ Яньчжэнь послушно оставался в стороне, лишь наблюдая. В итоге Хэ И пришлось справляться самому, и от смущения он даже не смел поднять глаз, до самого конца пряча лицо в одеяле.

И вот теперь, проснувшись при дневном свете и глядя на безмятежное, абсолютно довольное лицо спящего Хэ Яньчжэня, Хэ И почувствовал, как в нём закипает глухое раздражение. До чего же невыносимый парень!

В животе уныло заурчало. Хэ И шутливо замахнулся кулаком на спящую физиономию Хэ Яньчжэня, мысленно отправляя его в нокаут, и потянулся к вещам.

— Надень новое, — внезапно раздался сонный голос, и сильная рука обвила его талию, притягивая обратно.

От неожиданности Хэ И вздрогнул и едва не вскрикнул:

— Ты уже проснулся?!

— Меня разбудил твой виртуальный удар, — Хэ Яньчжэнь медленно приоткрыл глаза. В их глубине плясали смешинки, хотя половина его лица всё ещё была зарыта в подушку. — Я полночи тут всё прибирал, а когда вернулся в постель, обнаружил, что у меня отобрали подушку, да и под одеяло пришлось пролезать с боем. Едва уснул — и на тебе, домашнее насилие с самого утра.

Хэ И лишился дара речи.

В утреннем свете этот красивый юноша казался свежим, омытым росой тополем — от него веяло чистотой и почти строгой сдержанностью. Хэ И никак не мог сопоставить этот образ с ночным искушителем. К тому же при свете дня рядом с таким Хэ Яньчжэнем в его душе всегда просыпалось неуместное желание уступить, побаловать его.

Хэ И отвёл взгляд и заметил, что постельное бельё действительно свежее, а ночной беспорядок устранён. Злиться дальше было просто глупо.

— Сам виноват, — Хэ И отвернулся и несильно шлёпнул парня по руке. — Отпусти, я есть хочу.

— Поедим по дороге, — Хэ Яньчжэнь послушно сел следом и слегка прикусил его за лопатку. — Надевай новые вещи, я уже всё приготовил.

На тумбочке у кровати аккуратной стопкой лежала одежда: вчерашний новый костюм, а поверх него — свежее бельё и футболка.

— Когда ты успел это купить? — поразился Хэ И.

Хэ Яньчжэнь усмехнулся:

— Вчера, пока мы выбирали куртку. Боялся, что ты заметишь, поэтому попросил продавца сбегать в соседний отдел. Давай, переодевайся быстрее, мы не успеваем.

Он накинул домашнюю футболку и соскочил с кровати, направляясь в ванную и совершенно не смущаясь своего весьма заметного утреннего возбуждения под домашними штанами.

— Живее! — крикнул Хэ Яньчжэнь, уже вовсю умываясь. — У нас всего десять минут!

Хэ И застыл в недоумении. На часах было лишь начало двенадцатого. Они ведь собирались брать билеты на дневной поезд, к чему такая спешка?

Впрочем, для первого дня нового года проваляться в постели до одиннадцати и так было непозволительной роскошью. Хэ И не стал спорить. Он быстро оделся, умылся, почистил зубы и принялся опустошать холодильник, складывая оставшиеся овощи в пакеты.

Хэ Яньчжэнь, уже собравший свои вещи, остолбенел при виде двух огромных пакетов с зеленью и сырой курицей:

— Зачем нам всё это?

— Оставим здесь — пропадёт, — отрезал Хэ И и без лишних слов всучил пакеты парню. Сам же

бросился в комнату, закидал одежду в чемодан и, окинув квартиру прощальным взглядом, выключил воду и электричество, проверил замки на окнах.

— Готово, идём, — Хэ И взглянул на экран телефона. — На какой час поезд?

— Успеем. Паспорт взял? — Хэ Яньчжэнь покачал головой. В левой руке у него был дорогой чемодан «Rimowa», в правой — пакеты со свежими помидорами, черешками бок-чой и вчерашней недоеденной половиной курицы. В таком живописном виде они спустились на улицу и сели в подъехавшее такси.

Через полчаса, оказавшись в сияющем просторном зале ожидания аэропорта, Хэ И окончательно растерялся.

Хэ Яньчжэнь спокойно потащил пакеты с продуктами на стойку упаковки багажа. Овощи и курица, стоявшие сущие копейки, удостоились отдельной картонной коробки, за обмотку которой плёнкой содрали больше 60 юаней.

— Лучше бы мы их дома оставили, — удручённо пробормотал Хэ И, семена следом за ним. — Только зря деньги потратили.

Заметив, как тот расстроился, Хэ Яньчжэнь с улыбкой обнял его за плечи:

— Это всё равно лучше, чем выбросить в помойку.

— Можно же было соседям отдать! — только сейчас сообразил Хэ И.

— Ещё чего, — фыркнул Хэ Яньчжэнь. — Этому мелкому паршивцу, который швырялся в тебя пакетами с мусором? Обойдётся.

Хэ Яньчжэнь ещё в первый день заметил, что отношения с соседями у Хэ И не заладились. Тогда он порывался проучить соседского сорванца, но тот сразу струсил, и связываться с ним стало как-то несерьёзно.

Куда больше его занимал сам Хэ И...

Хэ Яньчжэнь делал вид, что рассматривает витрины магазинов дьюти-фри, но его взгляд то и дело возвращался к лицу спутника, плавно спускаясь к шее. Хэ И предусмотрительно надел под свитер рубашку, наглухо застегнув воротник, но у самой кромки ткани всё же угадывались едва заметные темноватые следы.

Хэ Яньчжэнь медленно облизал губы. В памяти всплыл прерывистый шёпот Хэ И: «Только не шею... С ума сошёл? Это опасно!»

На шее расположена сонная артерия. Слишком сильный засос может привести к образованию тромба, а случайное давление на каротидный синус и вовсе грозит инсультом или остановкой сердца.

И хотя Хэ Яньчжэнь вчера старательно обходил опасные зоны, сама мысль об этой близости на грани фолла заставляла его кровь бурлить сильнее. Тогда он прошептал Хэ И на ухо: «Если ты умрёшь, я умру вместе с тобой. Разве это плохо?»

В тот момент, изнывая от сладкой пытки воздержания, он не думал о смысле слов. Хэ И счёл это просто глупой пошлостью, но позже Хэ Яньчжэнь осознал: это было отражением его самых потаённых чувств.

Временами в нём просыпалось это дикое, почти первобытное желание — подчинить, забрать себе без остатка, уничтожить...

"Неужели я и вправду больной?"

Он невольно протянул руку к шее Хэ И, но тот тут же уклонился от прикосновения.

— Ты чего? — Хэ И, впервые оказавшийся в аэропорту, и без того заметно нервничал, стараясь держаться как можно ближе к своему спутнику.

Два высоких, стильно одетых парня с точёными фигурами привлекали слишком много внимания в толпе пассажиров. Хэ И чувствовал себя не в своей тарелке под любопытными взглядами прохожих. Он как раз собирался тихонько спросить об этом Хэ Яньчжэня, когда тот внезапно протянул к нему руку.

— Воротник помялся, — невозмутимо соврал Хэ Яньчжэнь. Он бережно расправил воротничок его рубашки, а затем скользнул пальцами к верхней пуговице и застегнул её до конца. — Вот так лучше. Тебе идёт.

Хэ И с недоверием покосился на него, а затем скользнул взглядом по стеклянной витрине.

В отражении стоял симпатичный, модно одетый юноша со спокойным, открытым взглядом и мягкими чертами лица. Этот образ не имел ничего общего с тем забитым, серым Хэ И, которого он привык видеть в зеркале.

Даже пройдя предполётный досмотр и устроившись в креслах самолёта рядом с Хэ Яньчжэнем, Хэ И не мог отделаться от ощущения нереальности происходящего.

Он изменился до неузнаваемости. Начиная от внешнего вида и заканчивая внутренним настроем — буквально во всём.

Хотя, казалось бы, в его жизни не произошло никаких масштабных потрясений. Всё это было результатом простых мелочей: вовремя сказанной похвалы, честно заработанной платы, мимолётного поцелуя, крепких объятий, новой одежды и одной ночи нежной близости...

Каждое из этих событий, включая этот первый в его жизни полёт, словно мягкие, но уверенные руки скульптора, вылепило из него совершенно другого человека.

И создатель этого нового образа сейчас сидел на соседнем кресле.

Лайнер начал разбег и плавно оторвался от земли. Почувствовав непривычное давление при наборе высоты, Хэ И повернулся к Хэ Яньчжэню.

— Всё хорошо? — Хэ Яньчжэнь решил, что тот испугался взлёта, и протянул ему раскрытую ладонь. — Не переживай, сейчас наберём высоту, и станет легче.

Хэ И мягко улыбнулся. Он положил свою ладонь поверх руки Хэ Яньчжэня, скользнул пальцами глубже и крепко переплёл их.

Теперь настала очередь Хэ Яньчжэня застыть в изумлении. Он ошеломлённо уставился на их соединённые руки.

— Когда вернёмся, сосредоточься на учёбе и подготовке к экзаменам, — негромко сказал Хэ И, откидываясь на спинку кресла. — Я больше не буду приходить к тебе домой. Давай каждый из нас приложит все силы.

После праздников Хэ И наотрез отказался продолжать домашние занятия. Какими бы уговорами ни пыталась воздействовать на него учитель Лян, парень оставался непреклонен.

Разумеется, он не бросал Хэ Яньчжэня на произвол судьбы. Ему по-прежнему разрешалось звонить Хэ И в любое время, если возникали трудности с уроками. Даже во время пар Хэ И находил возможность быстро ответить на его сообщения.

Правила «карт обмена» продолжали действовать, изменилось лишь их наполнение. Условием для активации «пустой карты» теперь стал общий балл на пробных экзаменах — планка была установлена на уровне результатов, которые сам Хэ И набрал на прошлогоднем ЕГЭ.

Каждые выходные Хэ И звал Хэ Яньчжэня в библиотеку Университета А, где они проводили долгие часы за разбором сложных тем.

Учитель Лян искренне не понимала такого решения. После Нового года у выпускников Присоединённой средней школы Университета А ввели дополнительные занятия по субботам. Теперь Хэ И мог заниматься с её сыном только по воскресеньям, всего несколько часов. Казалось бы, какой в этом смысл?

Но Хэ Яньчжэнь прекрасно понимал истинную причину. Хэ И сознательно выстраивал дистанцию, не позволяя им обоим окончательно раствориться в этой запретной близости.

После новогодней ночи любое замкнутое, уединённое пространство заставляло их сердца биться чаще, а щёки — гореть румянцем. Спальня, кровать, даже балкон — всё мгновенно воскрешало в памяти слишком яркие воспоминания.

С каждым шагом навстречу друг другу самообладание Хэ Яньчжэня давало всё большие трещины. Будучи человеком действия, он привык немедленно воплощать свои желания в жизнь и едва ли мог сдерживать себя дольше нескольких минут. Хэ И же просто не находил в себе сил отказать ему.

И дело было вовсе не в глубоких чувствах, а в том, что Хэ И подсознательно истосковался по теплу и ласке. Окажись на месте Хэ Яньчжэня кто-то другой, Хэ И, пожалуй, без оглядки окунулся бы в эти отношения.

При одной лишь мысли об этом Хэ Яньчжэня охватывала глухая ярость. Он чувствовал себя чужаком, которого держат за порогом, лишая права выбора.

Он безуспешно пытался найти ответы на свои вопросы, но заставлял себя отмахиваться от этих мыслей — сейчас нельзя было портить успеваемость.

Хэ И шёл на любые ухищрения, лишь бы удержать его на плаву. Их переплетённые пальцы в самолёте были своего рода обещанием спокойствия, круглосуточная связь спасала от гнетущей тоски, а занятия в стенах Университета А давали мощную психологическую установку.

"Вот твоя цель. Сюда ты должен поступить." — невербально транслировал Хэ И.

И, возможно, был ещё один подтекст: поступишь — и мы сможем быть вместе каждый день.

В итоге Хэ Яньчжэнь чувствовал себя осликом, перед носом которого повесили сладкую морковку. Отлично понимая эту уловку, он всё равно изо всех сил бежал вперёд, убеждая себя, что ему всё равно, лишь бы не останавливаться.

Результаты первого же пробного экзамена в новом семестре превзошли все ожидания: Хэ Яньчжэнь ворвался в двадчатку лучших учеников параллели.

Если его прошлый взлёт ещё можно было списать на случайность, то нынешний успех заставил преподавателей серьёзно задуматься.

Вскоре телефон учителя Лян разрывался от звонков коллег и родителей одноклассников сына. Все как один настойчиво расспрашивали, в какой престижный учебный центр она записала Хэ Яньчжэня.

Ей приходилось терпеливо объяснять, что никаких курсов сын не посещает, а перед праздниками с ним занимался частный репетитор.

Разумеется, все тут же загорались желанием получить контакты этого чудо-педагога.

— Госпожа Лян, мой оболтус ещё в прошлом году рассказывал, как этот репетитор разобрал для Яньчжэня контрольную. Классный руководитель даже просил разрешения сделать копии для всего класса, но Яньчжэнь наотрез отказался делиться, — напрямую говорила одна из родительниц, хорошо знакомая с Лян. — Твой-то теперь гарантированно поступит в любой лучший вуз страны, наш до его уровня точно не дотянется и конкуренции не составит. Сделай одолжение, поделись контактами, а?

Директор Ми тоже позвонил, заметно умерив свой привычный спесивый тон:

— Коллега Лян, мы ведь столько лет по соседству живём. Помоги связаться с этим молодым человеком. Мы много времени у него не отнимем — буквально час в день. В крайнем случае, пусть наш А-Лу просто сидит рядом и слушает, когда тот занимается с Яньчжэнем.

Учитель Лян заколебалась. Но тут в разговор вмешалась Сунь Сюэжоу. Услышав сомнения в голосе собеседницы, она не удержалась от высокомерного замечания:

— В конце концов, он ведь работает ради денег, верно? Мы обеспечим ему личного водителя, будем привозить и увозить, да и платить станем в разы больше прежнего. Разве этого мало?

Учитель Лян на секунду лишилась дара речи, а затем негромко рассмеялась:

— Боюсь, здесь ваши щедрые предложения бессильны. По правде говоря, этот юноша перестал приходить к нам сразу после праздников.

Она выдержала паузу и добавила ровным, прохладным тоном:

— К тому же репетиторство для него — лишь способ набраться жизненного опыта. Студенту Университета А совершенно ни к чему тратить своё драгоценное время только ради заработка. Так что ваши баснословные гонорары его вряд ли заинтересуют...

Сунь Сюэжоу растерялась, сообразив, что сболтнула лишнего, но прежде чем она успела вставить слово, в трубке раздались короткие гудки.

Директор Ми, видя, как из-за глупости жены сорвалась столь важная договорённость, пришёл в ярость и разразился бранью. Но и Сунь Сюэжоу не отличалась кротким нравом. Швырнув телефон на диван, она залилась слезами и принялась истошно кричать, припоминая мужу всё: от придилок его престарелой матери до бесконечных интрижек с молодыми любовницами на работе.



\*\*\*

Не подозревая о разыгравшейся семейной драме, учитель Лян немного подумала и всё же переслала контакты нескольких приличных семей Хэ И, добавив текстовое сообщение в WeChat:

«Сяо Хэ, это родители одноклассников Яньчжэня, они очень ищут репетитора. Экзамены уже на носу, так что если у тебя есть время и желание, можешь смело просить за свои услуги повышенную ставку».

Ниже она кратко описала ситуацию в каждой семье: у кого-то ребёнок шёл на золотую медаль, у кого-то хромали отдельные предметы, а чьи-то родители занимали весомые посты в сфере здравоохранения...

Хэ И прочитал сообщение во время отдыха на баскетбольной площадке.

С приходом весны студенческий городок окрасился в сочные зелёные тона, наполняясь бьющей через край жизненной силой. Хэ И тоже не остался в стороне от этого всеобщего оживления — с началом семестра он записался сразу в два университетских клуба.

Первым был баскетбольный кружок, куда он ходил просто побегать и размяться, а вторым — секция академического рисунка. У него не было никаких базовых навыков рисования, но ему хотелось найти занятие, за которым можно было бы приятно провести время в одиночестве.

В свободное от учёбы время он продолжал подрабатывать прямо на территории кампуса: помогал убирать подносы в студенческой столовой и расставлял книги в библиотеке. За эту работу университет перечислял небольшие деньги сразу на его кампусную карту, но этих средств вполне хватало на скромную студенческую жизнь.

Поэтому, прочитав предложение учителя Лян, Хэ И ответил вежливым отказом без долгих раздумий.

Он сознательно стремился ослабить ту невидимую нить, что связывала его с Хэ Яньчжэнем, спасая парня от опасной привязанности, а себя — от влияния чужой сильной воли, которая исподволь меняла его суть.

Хэ И чувствовал, что Хэ Яньчжэнь уловил эти перемены. Всю прошлую неделю они почти не переписывались, и телефон больше не разрывался от звонков младшего.

В минувшее воскресенье Хэ Яньчжэнь просидел в библиотеке всего около часа, после чего извинился, сославшись на звонок друга, и ушёл.

В тот момент Хэ И ощутил укол лёгкой грусти. Оставшись один, он открыл учебник, но так и не

смог сосредоточиться на чтении, бездумно наблюдая, как тени от оконных рам медленно уползают по столу. Впрочем, вскоре на смену тоске пришло облегчение. Хэ Яньчжэнь легко приспособлялся к новым условиям — у него всегда было много друзей, так что этот переходный период не должен был затянуться.

Как бы то ни было, это было правильное начало.

До вступительных экзаменов оставалось чуть больше двух месяцев. Хэ И не сомневался: оказавшись в университете, Хэ Яньчжэнь быстро поймёт, насколько студенческая жизнь отличается от школьной рутины. Его будут окружать яркие, одарённые люди со всех уголков страны — начитанные, эрудированные, обладающие глубоким умом. Они наверняка с детства летали на самолётах, путешествовали по миру и повидали немало чудес.

На фоне этих блестящих первокурсников сам Хэ И казался себе бесконечно серым и заурядным.

Он грустно усмехнулся своим мыслям. Отправив окончательный ответ учителю Лян, он на секунду заглянул в чат с Хэ Яньчжэнем, вздохнул, заблокировал экран и неторопливым шагом направился в общежитие.

Хэ Яньчжэнь узнал о том, что мать советовала Хэ И другим ученикам, в тот же вечер.

Отец семейства вернулся из командировки ещё полмесяца назад и теперь всё свободное время проводил дома, с женой и сыном.

После ужина родители устроились в гостиной. За чаем учитель Лян вскользь упомянула о назойливом звонке директора Ми и о том, как резко она дала ему от ворот поворот. Муж выслушал её, посмеиваясь, но затем Лян вздохнула и призналась, что теперь чувствует лёгкую вину перед Хэ И — ведь она фактически лишила парня возможности заработать. Поэтому, уступая настойчивым просьбам других знакомых, она всё же выбрала пару приличных кандидатур и отправила их контакты юноше.

В своей комнате Хэ Яньчжэнь корпел над очередным тестом. Голоса родителей доносились приглушённо, но стоило ему расслышать имя Хэ И, как пальцы сами собой выпустили ручку.

Он прекрасно знал, что многие его одноклассники безуспешно разыскивают его загадочного репетитора. Среди них хватало избалованных отпрысков богатых семей. Если эти люди решат переманить Хэ И деньгами, они легко перебьют любую скромную ставку. К тому же эти пижоны были не прочь порисоваться своей внешностью и меняли партнёров в школе как перчатки.

Собственнический инстинкт внутри Хэ Яньчжэня взбунтовался: он не хотел, чтобы кто-то ещё хотя бы взглянул на Хэ И. Сначала он пытался отрицать, что у него вообще есть репетитор, но Ми Лу ещё в начале семестра, желая утереть нос одноклассникам, во всеуслышание раструбил

об успехах Хэ Яньчжэня благодаря нанятому домашнему учителю.

Теперь же, прослышав, что мать самолично сосватала Хэ И клиентам, Хэ Яньчжэнь окончательно потерял покой. Он знал, насколько трепетно Хэ И относится к учителю Лян. Если та мягко намекнула, что стоит согласиться, Хэ И наверняка уступит её авторитету. А если он начнёт общаться с кем-то другим...

Панические мысли роились в голове, не давая сосредоточиться. Он схватил телефон, собираясь набрать номер, но тут же осёкся, боясь услышать дежурный холодный отказ. Ведомый неодолимым порывом, он крикнул родителям, что выйдет подышать воздухом, обулся и вихрем вылетел из квартиры. Хэ Яньчжэнь бежал во весь опор по тихим улочкам преподавательского квартала, пока не оказался у южных ворот Университета А.

Хэ И только закончил умываться и ложился спать, когда зазвонил его телефон.

Взглянув на экран, где высветился знакомый номер, он почувствовал, как сердце пропустило удар.

Чжэнь Кайнань, устроившийся на верхней полке, заметил его замешательство и высунул голову:

— Сяо Хэ, кто там в такой поздний час?

— Да так, по учёбе, — натянув быструю улыбку, Хэ И тихо выскользнул в коридор и прижал трубку к уху: — Алло?

— Старший, — раздался в динамике прерывистый голос Хэ Яньчжэня. — Я у южных ворот.

Хэ И похолодел. До закрытия общежития и отключения электричества оставалось от силы двадцать минут. Сбегать до южных ворот и вернуться обратно за это время было практически невыполнимой задачей.

— Что-то случилось? — Хэ И заколебался, но всё же заглянул в комнату, быстро переобуваясь в кроссовки, и жестом показал Пэн Хаю, что ему нужно срочно отлучиться.

— Да, — упрямо ответил Хэ Яньчжэнь. — Жду тебя.

Не давая возможности возразить, он прервал вызов. Хэ Яньчжэнь спрятал руки в карманы куртки и, плотно сжав губы, уставился на ярко освещённый вход в кампус. Хэ И, услышав короткие гудки, без оглядки рванул вниз по лестничным пролётам.

— Эй, полегче! Паркурщик хренов! — вскрикнул какой-то парень на нижнем этаже, едва

увернувшись от несущегося на всех парах студента.

Хэ И даже не подумал извиниться. Он перелетал через ступеньки, едва касаясь перил руками, и про себя отметил, что регулярные пробежки на баскетбольной площадке не прошли даром. Когда он выскочил на улицу, ночной пейзаж вокруг слился в сплошную неразличимую полосу.

Он не рассуждал, зачем бежит. Дай он себе хоть секунду на раздумья — и тут же осознал бы, что этот безумный порыв в корне противоречит всем его попыткам держать дистанцию.

Хэ Яньчжэнь мерил шагами тротуар, чувствуя, как внутри всё сжимается от глухого беспокойства. Сначала он стоял неподвижно, но затем принялся хаотично прохаживаться взад-вперёд, выхватывая взглядом редкие группки студентов, торопящихся вернуться в общежития до комендантского часа.

Прошла минута. Затем две... Пять минут. Никто не появился, и телефон молчал.

Неужели он действительно переоценил свою значимость для Хэ И?

Ночной воздух казался ледяным. Хэ Яньчжэнь сделал глубокий вдох, позволяя колючему холоду заполнить лёгкие, и крепко стиснул зубы, сдерживая рвущуюся наружу досаду.

И в этот момент из темноты выбежал Хэ И. Как только их взгляды встретились, Хэ Яньчжэнь медленно выдохнул скопившийся в груди холодный воздух.

Хэ И бежал так быстро, что дыхание со свистом вырывалось из груди. Лишь пробравшись сквозь турникеты навстречу редкому потоку студентов, он замедлил шаг. Подойдя к Хэ Яньчжэню, он, тяжело дыша, спросил:

— Зачем... зачем звал?

Хэ Яньчжэнь мягко протянул руку и стёр капельки пота с его лба. Затем его пальцы скользнули ниже, бережно, но властно обхватив подбородок Хэ И, и на глазах у редких прохожих он прижался к его губам глубоким, отчаянным поцелуем.

Вдалеке кто-то удивлённо охнул — мало кто из студентов отваживался на подобные нежности прямо у главных ворот кампуса.

Но Хэ И было не до чужих взглядов. В тот миг, когда Хэ Яньчжэнь коснулся его губ, он почувствовал, как тот мелко, едва заметно дрожит. Эта беззащитность и сквозившее в каждом движении отчаяние мгновенно растопили выстроенную Хэ И оборону. Он перестал сопротивляться и мягко ответил на поцелуй, пытаясь успокоить бушевавшую в душе младшего бурю.

Прошло немало времени, прежде чем Хэ Яньчжэнь наконец отстранился и крепко, до хруста рёбер, обнял его, пряча лицо на его плече.

— Старший, — глухо прошептал Хэ Яньчжэнь в изгиб его шеи, и в этом голосе слышалась неприкрытая мольба. — Я сдам все экзамены ещё лучше. Пожалуйста, не бери других учеников... Не отдавай себя никому, хорошо?

<http://bllate.org/book/19702/1996309>